

АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

ЭЛЕКТРОННО-ТОРГОВАЯ КАБАЛА

(К 120-летию смерти Н. С. Лескова)

Малоизвестную статью Николая Семёновича Лескова (1831–1895) **“Торговая кабала”** (1861), издававшуюся всего один раз со времени её первой публикации, ранее я уже представляла читателям. Это произведение не только не утратило своей злободневности, но наоборот – звучит сегодня более чем современно, когда торговая кабала обретает новые зловещие формы кабалы электронной.

В заглавии лесковской статьи – универсальное название сегодняшних социально-экономических отношений, официально и открыто поименованных “рыночными”. **Всеобщие торгашество и продажность**, возведённые в жизненный принцип, стали “нормой”, устойчивым атрибутом, основной приметой нашего “банковского” (по лесковскому слову) периода. Метастазы этого торжища гипертрофированно разрослись и поразили насквозь государство и право, политику и экономику, науку, культуру и искусство, образование и здравоохранение – все без исключения виды человеческой и общественной деятельности, все сферы жизни, в том числе духовно-нравственную.

В разряд “товаров” и “услуг” сегодня также активно переводятся традиционные, декларированные в Конституции отношения государства с гражданами. “Многофункциональные центры государственных и муниципальных услуг”, выстроенные повсюду, в прямом смысле торгуют государственными услугами, в том числе – в электронном виде, через интернет. Таким образом, в реальности осуществляются фантастические, как казалось когда-то, планы по созданию антиконституционного властного органа – **“электронного правительства”**. Этот термин интенсивно насаждается в сознание людей, в практику жизнедеятельности. Подготовлено и действует соответствующее законодательство: например, пакет законов, куда входит антиконституционный по сути своей закон **“Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг”**, предусматривающий выдачу всем гражданам РФ без их согласия универсальной электронной карты (**УЭК**), которая для человека станет единственным источником жизнеобеспечения, а для “электронного правительства” – средством неограниченной власти, тотального контроля, управления и бесконтрольного манипулирования любым и каждым гражданином страны.

Разработаны и внедряются концепции (например, “Детство-2030”, “Россия-2045”) по массовому электронному обезличиванию, всеобщей чипизации населения, превращению людей в биороботов, по тотальному подчинению всех и каждого анонимной и потому безответственной, бездушной и безграничной “электронной власти”. Для неё люди – это, согласно принятой уже

терминологии, **“человеческий капитал”** (а точнее – **“человеческий материал”**), то есть **“товар”**, **“продукт природы”** (если использовать образ из одноимённого рассказа Н. С. Лескова), которым можно управлять и распоряжаться нажатием компьютерной кнопки.

Так, пресловутый всепроникающий “рынок” гротескно персонифицировался, превратился в некий идол, адское чудовище. Оно заглатывает и пожирает людей, перемальвывает в своей ненасытной утробе всё здоровое и живое, а затем извергает вон и снова питается отработанными продуктами своей жизнедеятельности в этом нескончаемом круговороте **“торгового дерьма в природе”**.

Торговые центры, рынки, магазины, развлекательные заведения – с их непременным **“мочемордием”** (выразительный словообраз, употреблённый Лесковым) – множатся безостановочно. Быть **“хозяйном”**: магазина ли, а лучше – нескольких, развлекательно-питьевого ли заведения или хотя бы заухудалой лавочки, но только чтобы наживаться и помыкать другими людьми, – норма жизни, современная идея-фикс. Человек, наделённый Господом высшим даром свободной духовности, рассматривается в торгово-рыночных отношениях как **“кабальный холоп хозяина, лакей и помыкушка”**.

Между тем, отношение к **“торгашам”** в русском народе исконно было негативным. Статьи такого народного отрицания духа торгашества редко, но пока ещё можно отыскать в русской деревне, в самой глубинке, где доживают свой век немногие старики. В одной такой деревушке, запрятанной вдалеке от дорог среди лесных заповедников, в настоящем **“медвеьем углу”** Вера Прохоровна Козичева – простая русская крестьянка, вдова лесника, в юности – связанная партизанского отряда – категорически не захотела взять с меня денег за молоко. В ответ на мои резоны, что я уже покупала домашнее молоко у продавщицы деревенского магазина, бабушка Вера решительно ответила: **“Я не торгашка! Ты меня с ней не равняй!”**

Разбогатевшие в **“сфере плутней и обмана”** купцы-“пупцы” – **“прибыльщики и компанейщики”** (как именовал их Лесков) – на **ярмарке тщеславия** становятся **“самыми мелочными и ненасытными честолюбцами”**, **лезут во власть и в знать: “купец постоянно в знать лезет, он “мошной вперёд прёт”**.

Это **“образец”**, к которому учат стремиться с младых лет и в нынешней школе, откуда сейчас изгоняется отечественная литература – столько ненависти у властей предрержащих к честному одухотворённому слову русских писателей!

Возвышая голос в защиту детей от торгашеской заразы, Лесков в своей статье отмечал **“ничем не оправдываемое жестокосердие иных хозяев в отношении к мальчикам и крайнее пренебрежение к их нуждам и цели, с которою они отданы в лавку родителями или вообще лицами, распоряжающимися младенческими годами детей, торчащих перед лавками и магазинами с целью закликанья покупателей”**. Сегодня мы сплошь и рядом также встречаем их – за частую продорглих и озябух – **“торчащих перед лавками и магазинами с целью закликанья покупателей”**, раздающих рекламные листовки и проспекты, шныряющих по подъездам, электричкам, организациям в надежде продать какой-нибудь мелочной товар.

С тревогой и возмущением писал Лесков об антихристианских отношениях деспотического подавления со стороны одних и рабской закабалённости других. **Тяжёлая экономическая и личная зависимость угнетённого человека, его подневольное положение оборачиваются рабством духовным, неизбежно ведут к невежеству, духовной и умственной неразвитости, развращённости, цинизму, деградации личности.** В результате **“крепостного развращения”**, отмечал писатель в другой статье – **“Русские общественные заметки”** (1870) – люди становятся жертвами **“непроглядной умственной и нравственной темноты, где они бродят ошупью, с остатками добра, без всякой твёрдой заправы, без характера, без умения и даже без желания бороться с собой и с обстоятельствами”**.

Лесков выступил обличителем **“тёмного царства”**, изображая вечный конфликт добра и зла, воплощённый в современном мире буржуазно-юридических установлений. В пьесе **“Расточитель”** (1867) показан 60-летний торговец Фирс Князев – **“вор, убийца, развратитель”**, который пользуется своим положением **“первого человека в городе”** и продажностью судебного департамента. Его антипод – добрый и деликатный Иван Молчанов – предстаёт в роли

мученика, жертвы тиранического произвола властей. Молодой человек, обращаясь к “хозяевам жизни” — своим истязателям, — обличает беззаконие: **“Вы расточители!.. Вы расточили и свою совесть, и у людей расточили всякую веру в правду, и вот за это расточительство вас все свои и все чужие люди честные — потомство, Бог, история — осудят”**.

Писатель как в воду глядел, когда утверждал в своей статье: **“Не знаем мы, когда прорвётся этот отвратительный круговорот опошления русского торгового люда, а думаем, что не скоро”**.

“Торговая кабала” была написана чуть ли не накануне отмены крепостного права — Манифеста 19 февраля 1861 года. В современное антихристианское законодательство, построенное на древнеримских кабальных формулах, впору вводить эту якобы “хорошо забытую” новую отрасль права — **крепостное право** — наряду с гражданским, семейным, административным и прочим “правом”. **“Сохранившийся остаток кабального холопства древнекабальных времён”** в модернизированном виде давно и прочно внедрён в нашу жизнь. Сограждане и сами не заметили, как стали крепостными холопами, влачащими **“жизнь взаимы”**: не можешь заплатить долги — значит, ты “невыездной”, не смей двинуться с места. **“Ипотека на полвека”** — один из популярных “банковских продуктов” кабального свойства — выдаётся с лукавым видом неимоверного благодеяния. Ограбляемый “должник”, вынуждаемый ради крыши над головой покорно влезать в искусно расставленную долгосрочную западню, порой и сам не заметит, как желанная “крыша дома своего” обернётся для него гробовой крышкой.

Многие уже очутились и многие ещё окажутся в бессрочной долговой яме, были и будут запутаны в тенёта сетевой торговли и маркетинга, в ловушки кредитов, ипотек, ЖКХ, ТСЖ, НДС, НДФЛ, СНИЛС, ИНН, УЭК, в мировом масштабе — ВТО, МВФ, ВБ и прочего — число им легион и имя им тьма...

В наши дни уже весь земной шар превратился в глобальный рынок, законы которого диктуют Всемирная торговая организация (**ВТО**), Международный валютный фонд (**МВФ**), Всемирный банк (**ВБ**), космополитическая антихристианская “элита”, стремящаяся узурпировать безграничную власть на планете, связав государства международными обязательствами, в том числе — по внедрению электронных систем учёта с единым управлением. УЭК — это уже не традиционное удостоверение личности, а глобальный электронный документ, микропроцессорное устройство единого всемирного стандарта, служащее для идентификации и биометрической аутентификации держателя карты компьютерным способом, с помощью которого бездушная электронная система, господствуя над человеком, опознаёт его по идентификационному номеру и биометрическим данным, как некий неодушевленный предмет или товар.

Подготовлены к тому и морально-психологические предпосылки. За два с половиной десятилетия, как предвидел митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев), реформаторами и модернизаторами сделано всё, чтобы “подточить, ослабить устои крепкого, традиционного общественного устройства, разрушить его духовные, религиозные опоры, разложить национальные государства и — постепенно, незаметно, неощутимо для одурманенного демократическим хаосом общества — передать бразды правления над ним транснациональной “мировой закулисе”...

В нынешней торгашеской реальности, насквозь пропитанной ложью, лукавством, господствует воплощённое зло, правит бал “князь тьмы”, главный противник Истины — диавол, **“ибо он лжец и отец лжи”** (Ин. 8: 44), как определяет Христос. В молитве Господней **“Отче наш”** вот уже более двух тысяч лет христиане просят Отца Небесного: **“и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого”**.

“Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить” (1-е Послание Петра; 5: 8), — предупреждает и призывает Святой Апостол. “Князь мира сего” обманом, оболваниванием человека, множеством прочих лукавых ухищрений из своего сатанинского арсенала впутывает людей в бесовские сети, разъединяет, уничтожая духовные основы (“диаболос” в переводе ‘обманщик, разделитель’). Когда эгоистические, материальные, потребительские, плотские интересы ставятся во главу угла во всех сферах жизни, на всех её уровнях, душа слепнет и глохнет, атрофируется, “зарастает” телом. Только это и требуется метафизическому злему духу и его реальным прислужникам в физической

оболочке — законникам “разноглагольного закона”, как именовал их Лесков. “Законно” и незаконно заложников и узников “торговой кабалы” преднамеренно стравливают в пресловутой борьбе за существование с её звериным принципом **“глотай других, пока тебя не проглотили”**. Вот только люди в этом отношении хуже зверей. Те не едят своих сородичей, себе подобных, братьев по крови. “Мы с тобой одной крови”, — это усвоил в волчьей стае легендарный обитатель джунглей Маугли. В современных российских джунглях “пожирать плоть” и “пить кровь” друг друга (в образном смысле) становится в порядке вещей. Этот словесный образ уже не столь далёк от буквального воплощения. Зловещие картины натурального людоедства грядущих времён правления антихриста открываются в пророчествах святых; в провозвестиях русской классической словесности — христианнейшей литературы в мире. Так, например, Фёдор Михайлович Достоевский в повести **“Сон смешного человека”** (1877) предупреждал, что при поглощённости только материальными плотскими интересами человечество дойдёт до антропофагии (людоедства).

Лесков в своём последнем произведении — “прощальной” повести **“Заячий ремиз”** (1894) глазами главного героя Оноприя Перегуда видит “цивилизацию” в **сатанинском коловращении “игры с болванами”**, социальными ролями, масками: **“Для чего все очами бочут, а устами гогочут, и меняются, як луна, и беспokoятся, як сатана?”**. Всеобщее лицемерие, бесовское лицедейство, замкнутый порочный круг обмана и насилия над личностью отразился в Перегудовой “грамматике”, которая только внешне кажется бредом сумасшедшего: **“я хожу по ковру, и я хожу, пока вру, и ты ходишь, пока врёшь, и он ходит, пока врёт, и мы ходим, пока врём, и они ходят, пока врут... Пожалей всех, Господи, пожалей!..”** “Цыплёнок зачинается в яйце тогда, когда оно портится”, — этим замечанием религиозного философа Григория Сковороды (1722–1794) проясняется процесс, происходящий в лесковском герое: пусть он уже не годится для прежней **“социальной”** жизни, зато в духе его “поднимается лучшее”. В доме для умалишённых, на грани безумия и мудрости, Перегуд, наконец, начинает путь приближения к Истине. Теперь он избавился от цивилизации, от общественной жизни, в которой всё скрыто мраком, перемешано (**точнее — помешано**). Герой постигает добро и зло в чистом виде.

В последнем произведении “мастера” метафорически исполняется мечта самого Лескова — писателя-проповедника добра и истины, преследуемого цензурой: настоящее изобретение — не печатный станок Гуттенберга, ибо он “не может бороться с запрещениями”, а то, “которому ничто не может помешать светить на весь мир <...> Он всё напечатает прямо по небу”.

Незадолго перед тем, как самому оставить надетую на него на земле, как говорил Лесков, “кожаную ризу”, писатель размышлял о **высокой правде** Божьего суда: **“совершится над всяким усопшим суд нелицеприятный и праведный, по такой высокой правде, о которой мы при здешнем разуме понятия не имеем”**.

В противовес высокой Божьей правде — нынешний **новейший вид электронной торговой кабалы** ведёт к её ужасающей кульминации апокалиптического свойства. По сатанинскому замыслу “сильных мира сего”, человек — “венец творения”, созданный по образу и подобию Божию, — должен обратиться в “человеческий материал”, биомассу, стать маркированным товаром, вещью среди вещей, уподобиться бездушному предмету с его непременным номером — штрих-кодом или бессловесному клеймённому скоту; принять чип (вначале — в обличье УЭК), клеймо, метку, штрих-код в виде сатанинского начертания числа 666 на лоб или руку: **“И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам положено будет начертание на правую руку их или на чело их”** (Откровение Св. Иоанна Богослова; 13: 16).

Строителей “электронной России”, сгоняющих людей в электронное рабство, не смущает, что создаваемый “электронным правительством” электронный концлагерь с полным, всесторонним компьютерным досье на каждого, подобен фашистским концлагерям. Точно так же в наши дни совершается преступление против человечества, нарушается решение Нюрнбергского процесса 1945–1946 годов, признающее преступлением против человечности присвоение номера вместо имени и нанесение этого номера на тело человека.

УЭК — предвестник Апокалипсиса, — словно чудовищный людоед, всасывает в себя всю информацию о человеке: персональные данные, состояние здоровья (к примеру, здорового и одинокого человека, которого в случае ис-

чезновения никто не будет разыскивать, насильственно могут использовать как донора для трансплантации его здоровых внутренних органов – УЭК сожрёт их), родные, семья, сбережения, имущество, собственность, жилище, передвижения, поездки и т. д. – всё просвечено дьявольским оком тотального электронного контроля. Все расчёты – только через УЭК и избранный системой банк, без этого и шагу не ступишь. Человек реальный в отношении с электронной системой становится “человеком виртуальным”, бестелесным. Бесплотный сказочный Джинн – раб лампы, выпущенный на волю, мог действовать. Человек – “раб карты” – на волю выпущен уже не будет. Пронумерованный “биообъект” перестанет быть хозяином самому себе. Самим человеком, его имуществом, здоровьем, жизнью, судьбой станет управлять невидимый, недосыгаемый, таинственный и всеильный “Оператор” – виртуальный орган безграничной власти. У безликой электронной системы нет и не может быть никакой ответственности перед оцифрованным человеком-“номером”. Например, в случае если база электронных данных будет взломана, держатель УЭК рискует остаться без средств к существованию, без имущества, без жилья. Персональные данные, в том числе биометрические (отпечатки пальцев, модель радужной оболочки и сетчатки глаза), попавшие в руки злоумышленников, будут использованы против человека, который в электронном концлагере становится абсолютно беззащитным, бесправным существом. Всё, что не вписывается в “новый электронный порядок”, по воле “электронных властей” должно быть сломано и уничтожено. Неудобные системе без суда и следствия могут быть поставлены вне закона, дистанционно наказаны приостановлением действия универсальной карты, её блокировкой, автоматическим списанием денежных средств, обнулением банковского счёта, лишением льгот и пособий, обезличиванием карты, а то и её уничтожением.

Может получиться, как в эпитафии к лесковской статье:

*Мальчик был он безответный:
Всё молчал, молчал;
Всё учил его хозяин —
Да и доканал...*

УЭК изготовят несовершеннолетним и даже младенцам, если родители (или опекуны, попечители) не откажутся за них в течение установленного законом временного “коридора в 60 дней”. Дни в этих тесных временных рамках, отведённых людям на отказ от того, о чём они не просили и не заявляли, стремительно тают. Так называемая “уполномоченная организация” лукаво скрывает от населения эту важную информацию. Поместили извещение в малочитаемом источнике и дальше – гробовое молчание в расчёте на то, что авось не узнают, авось не успеют.

Следующий этап – поголовная чипизация людей – то самое “начертание” из Откровения Иоанна Богослова, нанесённое лазером либо иным “наноспособом” на лоб или на правую руку. Иначе – властное устрашение буквально по Апокалипсису: **“никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его”** (Откровение. 13: 16-17). А без этого, уверяют нас сегодня “модернизаторы”, якобы остановится нормальная жизнь, нельзя будет “покупать и продавать”, получать зарплату и пенсию, медицинскую помощь, совершать поездки, оплачивать услуги, налоги, штрафы и т. п. Дальнейшие последствия понятны и предсказуемы: не смог оплатить долги – ступай в тюрьму, где уже не избежишь насильственного “пропечатывания”, либо скрывайся, как беглый преступник, прячась в лесу, в землянке, в пещере; питайся, как святые отшельники, кореньями, акридами и диким мёдом. Не хочешь служить сатане – принимай мученический венец.

В своём Послании **“Знамения времён, 666”** (см.: <http://www.isihazm.ru/?id=1778>) Паисий Святогорец – старец святой горы Афон – говорил: “Наши годы – это трудные годы. Произойдёт катастрофа. И пока она будет продолжаться, нам надо будет помучиться, а может быть – и пойти на мученичество. Только духовная жизнь позволит нам свести концы с концами...”

Не отчаивайтесь... Я думаю, что эти трудные годы – благословение, потому что они вынудят нас жить ближе ко Христу. Эти годы – настоящая возможность для большего подвига! Настоящая война в наше время не будет

войной, в которой используется оружие, это будет война духовная – с антихристом. Он постарается “прельстити, аще возможно, и избранныя”...

Как понимать это евангельское пророчество: **“восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных”** (Мк. 13: 22)? Паисий Святгорец поясняет: “Прельстятся те, которые в толкованиях пойдут “от ума”. И это тогда, когда знамения столь очевидны: компьютерный “зверь” в Брюсселе с числом 666 уже почти проглотил все страны. Карточка, удостоверение личности, “введение печати” что означают? К сожалению, по радио мы следим только за тем, какая будет погода. Что нам скажет Христос? **“Лицемеры! Различать лице неба вы умеете, а знамений времён не можете?”** (Мф. 16: 3)”.

Несогласные продать душу дьяволу окажутся вне антихристианского, электронно-крепостного закона; станут исторгнутыми из всеобщего торгового оборота гонимыми изгоями.

Господь же – напротив – торговцев изгонял из храма, уподоблял их разбойникам: **“И вошед в храм, начал выгонять продающих и покупающих, говоря им: написано: “дом Мой есть дом молитвы”; а вы сделали его вертепом разбойников”** (Лк. 19: 45-46).

“Неужели не вразумятся делающие беззаконие, съедающие народ Мой, как едят хлеб, и не призывают Бога?” (Пс. 52: 5).

“Со многой болью и любовью Христовой” обращался к людям Паисий Святгорец ещё в конце 1980-х годов, призывая ни в коем случае не принимать “удобную карточку”, ведущую “в тупик, к душевной и телесной катастрофе”. Афонский старец провидел, что за системой “удобных карточек” кроется “духовное рабство, смятение и анархия”, “скрывается всемирная диктатура, порабощение антихристу”: “После же карточки и удостоверения личности, “компьютерного досье”, чтобы лукаво подвести дело к печати, будут постоянно говорить по телевидению, что кто-то взял чью-то карточку и забрал из банка его деньги. С другой стороны, будут рекламировать “совершенную систему”: печать на руку или на лоб лазерными лучами, незаметную внешне, с 666, именем антихриста. <...> дьявол, антихрист, присутствуя своим символом в нашем паспорте, или на руке, или на лбу, не освящается, даже если наложить Крест. Мы имеем силу Честного Креста, Святого Символа, Божественную Благодать Христову только тогда, когда пребываем с одной единственной Святой Печатью Крещения, во время которого отрекаемся от сатаны и соединяемся со Христом, и получаем Святую Печать – “Печать дара Духа Святого”. Христос да даст нам благо просвещение”.

Благодарение Господу Богу – дух, душа, сердце, мышление, чувства христианские, человеческие во многих живы. Мы ещё не закабалены окончательно электронной диктатурой, насильственно не превращены в управляемых компьютером – апокалипсическим зверем – оцифрованных биороботов, киборгов, клонов. Не будем отчаиваться, помня наставление апостольское: **“Итак, покоритесь Богу; противостаньте дьяволу, и убежит от вас”** (Иак. 4: 7).

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ

ТОРГОВАЯ КАБАЛА¹

*Мальчик был он безответный;
Всё молчал, молчал;
Всё учил его хозяин —
Да и доканал...*

А. Комаров²

Грустное и тяжёлое чувство налегает на сердце по прочтении заметки, помещённой в одном из московских периодических изданий³, об угнетённом положении московских гостинодворских мальчиков и приказчиков. Это живо со-

хранившийся остаток кабального холопства древнекабальных времён нашего Отечества⁴. Варварское обхождение хозяев-гостинодворцев с приказчиками и особенно с **мальчиками, отдаваемыми им в кабалу, под видом приучения торговому делу**, мы думаем, ни для кого не новость; но странно, что оно до сих пор как-то ускользало от внимания прессы и тех лиц, которые нашли нужным учреждение контроля над содержанием учеников фабрикантами и ремесленниками. Мы, по несчастью, никогда не смели сомневаться в полной необходимости распространения такого контроля и на мальчиков, отданных купечеству для приучения торговому делу, но до сих пор мы не решались высказать об этом нашего мнения только потому, что боялись погрешить, считая известные нам факты жестокого обращения торговцев с мальчиками, отданными им *на выучку*, общим мерилom отношений хозяев к вверяемым им детям. Теперь “Московский курьер” в 27 и 28 №№ этого года сообщает о быте московских гостинодворских мальчиков такие вещи, что, как мы сказали, сердце сжимается от ужаса и страха за эти несчастные создания, выводимые в люди путём холода, голода, бесприютности и затрещин.

Коротко знакомые со взглядом русского купечества на людей, служащих его торговым делам, мы, к несчастью, лишены всякой возможности заподозрить заметку “Московского курьера” хотя в малейшем пристрастии преувеличения фактов. Напротив, мы вправе думать, что, в частности, существуют факты более грустные и возмутительные, чем те, которые взяты на выдержку автором заметки; но так или иначе, довольно того, что не нам одним известно **ничем не оправдываемое жестокосердие иных хозяев в отношении к мальчикам и крайнее пренебрежение к их нуждам и цели, с которою они отданы в лавку родителями или вообще лицами, распоряжающимися младенческими годами детей, торчащих перед лавками и магазинами с целью закликания покупателей.**

В этой школе ребёнок не учится ничему полезному. Торговые соображения по выбытии им пяти лет у хозяина так же чужды его понятиям, как **неведомы ему понятия о чести, о долге, о нравственности.** Развитие для него невозможно. Он кабальный холоп хозяина, лакей и помыкушка приказчика и “молодца”. Им всякий орудует в свой черёд, всякий требует от него услуг и слепого повиновения на свой лад. Мальчик ни у кого не может, то есть не смеет, спросить объяснения ни одному жизненному явлению, на котором останавливается его детское внимание; он не имеет никогда в руках ни одной книги, доступной его детскому пониманию и способной хоть маломальски осветить его разум объяснением самых простых явлений в жизни природы и человека. **Коснение — это неизбежный удел,** и разве только одна гениальность может выбиться из этой среды, не одурев в кругу исполнения тех обязанностей, в которых пять или шесть лет остаётся торговый мальчик, пока наконец получит первый чин торговой иерархии, то есть сделается “молодцом”. И во всё время службы до этого первого чина чего не переносит несчастный ребёнок! Бьёт его хозяин, но это, впрочем, ещё не велика беда, хозяин занят делом, так ему некогда бывает драться, разве иногда так “взвошит”⁵ с сердцов или под пьяную руку, а то “взвошивает” его приказчик, взвошивают подручные, один и другой, взвошивает и молодец, и все эти колотушки достаются как-то зверски, не в привилегированное место человеческого тела, а по голове да под “вздохало”. Спит мальчик кое-как, часто на полу, и то мало, потому что ложится позднее всех приказчиков и молодцов, а встаёт раньше их; вставши, он должен перечистить им платье, обувь, приготовить самовар, сбегать за булками, а иногда ещё за чем-нибудь для приказчика так, чтобы хозяин не сведал об этой закупке, и всё это живо, скоро, иначе “взвошат” так, что небо покажется с овчинку. В течение целого дня мальчик **не смеет садиться** (это обычай, освящённый временем и вошедший в силу закона); для отдыха **от утомительного стояния, превосходящего трудность афонского бдения,** мальчик посылается с одного конца города на другой “долги править” или разносить проданный товар, с секретною обязанностью занести иногда стянутый приказчиком из хозяйской лавки гостинец “матреске”⁶. Но да не подумает читатель, что поверенничество мальчика в сердечных делах приказчика смягчает сколько-нибудь их взаимные отношения... Ничуть не бывало, это так уж устроено, что приказчик, употребив его в качестве фактора⁷ по “матреской” части, не допускает и мысли, что мальчик может его выдать, — и мальчик действительно никогда не выдаст. Он знает, что, отомсти

он приказчику или молодцу за побои, которые они ему наносят “пур селапетан”⁸, им ничего не будет, кроме потревожения памяти их покойной родительницы напоминанием о некоторой интимности с нею, а мальчика взвошит хозяин, “зачем-де шельмец ходил”, а потом уже пойдут взвошивать и тот, на кого сделан донос, и те, на кого таковые впредь учинены быть могут. А защита где? Нигде. Отец или опекун ещё порадуются, что вот, мол, парня уморазуму учат, да ещё сами, пожалуй, набавят, не жалуйся, дескать, знай, что за одного битого двух небитых дают.

Такова-то вот жизнь, таково-то положение торгового мальчика у иного купца, доводящего его пятилетним взвошиванием *до людей*, то есть **до способности обезмыслиться, обезличиться и завернуться в узкую рамку аршинной жизни прасольства⁹ или лабазничества¹⁰**. И тянется эта страдальческая жизнь мальчика, пока наступит радостный день вступления его в сан “молодца”, и прежнее начальство уговорит его *закинуть первых щенят*, то есть пропить с компаниею первое жалованье, **“во оставление сухомордия и в мочимордство вечное”¹¹**.

Со вступлением в сферу плутней и обмана, составляющих специальность молодца и приказчика, начинается новая, светлая полоса жизни мальчика. Изучая надувательное искусство и прикладывая его на практике к хозяину, он наконец *выходит в люди*, заводит лавочку, делается хозяином, устраивает порядок в своей *молодцовской*, по образцу того закона, в котором сам вырос, и “взвошивает” тех, кого вверит ему родительское благоразумие для вывода в свою очередь в люди.

Не знаем мы, когда прорвётся этот отвратительный круговорот опошления русского торгового люда, а думаем, что не скоро. Наверное можно сказать, что *та генерация, которую теперь ещё “взвошивают”, ничего не даст хорошего, а она ещё молода, её век длинен, и кора её умственного застоя так крепка, что её не проймет никакая пропаганда. Дух религии и слова Христовы – чужды её понятиям. Люди эти ходят в храмы, но выносят оттуда воспоминание не о слове мира и любви, а об октавистых голосах*, в подражание которым ревут дома долголетия и анафематства. **От них нечего ждать, а между тем в силу обычного течения дел они выйдут в люди, то есть откроют лавки и в свою очередь замордуют ещё одно поколение.**

Этому нужно положить конец бы, особенно теперь, при эмансипации крестьян, следовало бы русскому обществу подумать об улучшении положения торгового малолетнего люда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья с подписью “Н. Лесков” впервые была опубликована: Указатель экономический, политический и промышленный (Санкт-Петербург, 1857–1861; издатель и редактор – И. В. Вернадский). – 1861. – № 221. – 12–14 февраля.

² Эпиграф взят из стихотворения А. М. Комарова “Выученик”, в котором описана смерть ученика портного от побоев хозяина.

³ Н. С. Лесков имеет в виду послужившие поводом к написанию его статьи “Московские заметки” в газете “Московский курьер” от 3–4 февраля 1861 года.

⁴ Здесь и далее полужирным шрифтом выделено мной; курсивом выделено у Лескова.

⁵ “Взвешивать” – таскать за волосы.

⁶ “Матреска” – от искажённого французского слова “maitresse” – любовница.

⁷ Фактор – здесь в значении: посредник; доверенное лицо, выполняющее поручение.

⁸ “Пур селапетан” – в значении: “для того чтобы пошевеливался, поторапливался” – от искажённого французского выражения с глаголом “sepatiner” – пошевеливаться, поторапливаться.

⁹ Прасольство – вид торговой деятельности; от слова “прасол” – оптовый скупщик мяса и рыбы для мелкорозничной торговли.

¹⁰ Лабазничество – вид торговой деятельности; от слова “лабаз” – торговая лавка, мучной и крупяной склад; “лабазник” – торговец зерном, крупой, мукой.

¹¹ “Сухомордие” (“сухорылие”) – трезвенность; “мочимордство” (“мочемордие”) – пьянство.